

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 217; 281,9; 291,35 ББК 86, 372 DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.001

М. Б. Свердлов

СПБНИИ РАН, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. sverdlovmb@mail.ru

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ – «ЕДИНОВАСТЕЦЪ» И «САМОВАСТЕЦЪ»

Статья посвящена выявлению исторических и реальных оснований в названиях Ярослава Мудрого «единовластецъ» в Ипатьевском списке и «самовластецъ» в Лаврентьевском списке Повести временных лет. Их сравнительный анализ позволил установить, что Ипатьевский список содержит более ранние чтения, чем Лаврентьевский. Поэтому характеристика Ярослава Мудрого как «самовластецъ» в Лаврентьевском списке более поздняя. Антропологический анализ дал возможность сделать вывод, что чтение Ипатьевского списка отразило политическую реальность времени правления Ярослава, тогда как чтение Лаврентьевского списка стало обобщающей характеристикой правления Ярослава после многочисленных трагических событий, которые произошли во второй половине XI в. после его смерти.

Ключевые слова: князь Владимир Святославич, Ярослав Мудрый, «единовластецъ», «самовластецъ», антропологический анализ, объективные факторы

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00134.

В Повести временных лет (далее – ПВЛ) по Ипатьевскому списку под 6544 (1036) г. содержится запись: «Мьстиславъ изиде на ловы и разболѣся и оумре ... По семь же прия власть его Ярославъ и бысть единовластець Руской земли, иде Ярославъ к Новугороду, посади сына своего Володимира в Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту»¹.

В ПВЛ по Лаврентьевскому списку под 6542 (1034) г. этот текст немного изменен: «Мьстиславъ изиде на ловы и разболѣся и оумре ... Посемь же перея власть его Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣи земли, иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимера в Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту»².

На реальное содержание этих разночтений в научной литературе, кажется, внимания не обращали. Между тем в нем скрыта значительная историческая информация. Антропологический метод позволяет углубить исследовательские возможности их исторического анализа. Его сформулировал Р. Шартье: «... выявить коллективные детерминанты, не осознаваемые индивидами, которые тем не менее повелевают и управляют ментальными представлениями

¹ ПСРА. М., 1962. Т. 2. Стб. 138. Здесь и далее древнерусские тексты цитируются в упрощенной орфографии и с современной пунктуацией, курсив в цитатах наш.

² ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 150. Далее даты указаны от Рождества Христова.

и социальным опытом» [Шартье, с. 42–43]. Такое направление научного анализа соединило традиционное изучение объективных факторов и антропологический анализ деятельности человека: объективные факторы влияют на индивида, индивид осуществляет объективные возможности этих факторов. Отсюда название доклада Р. Шартье, возвращающее историков к изучению объективных реалий исторической действительности: «Одна четверть свободы, три четверти детерминизма» [Шартье, с. 42].

Приведенные выше летописные тексты сообщили о завершении предшествующих событий. В соответствии с ними тмутороканский князь Мстислав Владимирович, прозванный Храбрым, решил княжить в Русской земле – на обширных землях от Приладожья до Среднего Поднепровья, от Галиции и Волыни до междуречья Оки и средней Волги [Насонов]. После Лиственской битвы в 1034 г. с войском киевского князя и старшего брата Ярослава Владимировича, прозванного позднее Мудрым, по Городецкому миру в 1026 г. Мстислав получил в свое управление земли Русского (Древнерусского) государства к востоку от Днепра. Ярославу остались во владение земли к западу от Днепра и Киев. Ярослав находился в Новгороде, Киевом управляли его посадники.

Мстислав собирался сделать свои владения наследственными. Его стольным городом стал Чернигов, второй по значению в южнорусских землях. В отличие от киевской кафедральной церкви Св. Богородицы и от культа Св. Софии, который стремился распространить и укрепить на Руси Ярослав, Мстислав посвятил воздвигаемый в Чернигове храм Спасу, что имело символическое значение вызова старшему брату и противопоставления Чернигова стольному городу Киеву [Свердлов, 2003, с. 333–334, 345–349, 356–364].

По хронологии Лаврентьевского списка ПВЛ, в 1033 г. умер сын Мстислава Евстафий, а в 1036 г. – князь Мстислав. Так что Ярослав восстановил свое единовластие в Русском государстве, обретенное ранее после многих злоключений в 1018 г. [Свердлов, 2003, с. 308–344].

Это – контекст событий, вследствие которых Ярослав был назван в ПВЛ по Ипатьевскому списку «единовластцем Русской земли», а по Лаврентьевскому списку – «самовластцем Русской земли». Здесь не место анализировать временное соотношение этих двух летописей в целом и, соответственно, двух редакций ПВЛ (первая половина – середина 1110-х годов)³.

Раскрыть смысл процитированных сообщений ПВЛ о Ярославе Мудром в 1036 г. позволяет их внутренняя критика, то есть критика содержания. Единовластие упоминалось в этом летописном своде не единожды.

В предании о княжении Рюрика в ПВЛ по Ипатьевскому списку сообщается о том, что после смерти его братьев Синеуса и Трувора «прия Рюрикъ власть всю одинъ»⁴. В данном контексте слово одинъ – указание на единовластие Рюрика над всеми землями, которыми ранее правили три брата. В Лаврентьевском списке – другое чтение: «и прия власть Рюрикъ»⁵. Оно более лаконично, но имеет то же содержание. Далее в обоих списках – немного различающиеся повествования о деятельности Рюрика как единовластного правителя.

Единовластие Владимира Святославича особо отмечено в ПВЛ по Ипатьевскому списку после того, как в борьбе за власть в Русском (Древнерусском) государстве погибли его старшие братья Олег и Ярополк: «И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинъ». В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи написано одинъ⁶. В Лаврентьевской летописи также сообщается: «И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинъ»⁷. Так что написание слова

³ Историографию и новейшее исследование см.: [Творогов; Гишпиус].

⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 14.

⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 20.

⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 67.

⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 79.

одинъ является поновлением в Ипатьевской летописи. То есть автор ПВЛ особо подчеркивал единовластие Владимира Святославича там, где ранее в соответствии с волей отца, который воевал с Византийской империей, братья управляли обширными землями, сохраняя единство государства [Пресняков, с. 27–28].

Поэтому представляется в полной мере оправданным раскрытое в слове единовластец значение 'единовластный правитель'⁸.

Слово самовластец имеет близкое к единовластцу, но отличающееся содержание. У них один корень слова – власть. Но самоутверждение власти в слове сам более категорично и определено, чем в слове один (един). Поэтому перевод самовластец как 'властелин'⁹ ближе к смыслу этого слова, чем его перевод И. И. Срезневским – 'единовластитель'¹⁰. Слово единовластитель отождествляет эти два различающихся понятия.

Особая проблема – насколько соответствуют слова единовластец и самовластец общественно-политическому статусу Ярослава Мудрого во время его киевского княжения в 1037–1054 г.

В греческом языке того времени, а также ранее и позднее существовали слова с такими же значениями: существительное *μόναρχος* 'единодержавный властелин' и прилагательное *αὐτοκράτωρ* 'полновластный, самодержавный'. Автократором – 'самодержцем' называли тогда византийских императоров. Возможно, у русских (древнерусских) книжников, прежде всего киевских, которые в XI в. все более осваивали византийскую и южнославянскую письменность, творчески ее переосмыслили, появлялись ассоциации между значениями этих греческих слов и общественно-политическим статусом русских князей. Но определяющим фактором в использовании слов единовластец и самовластец по отношению к Ярославу Мудрому стала ментальность летописцев, осознавших единство территории Русской земли – своей страны и отсутствие в ней других, альтернативных князю органов государственной власти.

Основы этого явления были заложены в правление Владимира Святославича в конце X в. с введением христианства в его православном исповедании как монотеистической государственной религии. Княжеская власть, принадлежавшая в государстве династии Рюриковичей, стала сакральной. Утверждая свое положение в ряду европейских правителей, Владимир заставил византийских императоров-соправителей Василия II и Константина VIII отдать ему в жены их родную сестру порфирородную принцессу Анну. Тем самым он принудил нарушить завет их деда, императора Константина VII Багрянородного, который убеждал их отца, Романа II, и потомков отказывать, «если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев»¹¹.

Зримым обоснованием идей и практики единовластия становились быстрое возведение ранее невиданных на Руси зданий из камня и кирпича, а также новая, исполненная символизма система поведения князя.

Уже в 996 г. в Киеве была освящена огромная княжеская и митрополичья церковь Св. Богородицы, защитницы нового христианского народа. В соборе была построена лестничная башня, которая вела на хоры. В соответствии с византийской императорской церемонией перед богослужением по ней восходил Владимир и сопровождавшие его лица. На хорах он оказывался ниже изображений Христа, Св. Богородицы, ангелов, но значительно выше клира и мирян.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 20.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1996. Вып. 23. С. 31.

¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 248.

¹¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 59.

Следуя византийским императорским обычаям, князь находился на южной галерее, что стало позднее одним из начал многовековой традиции погребений русских князей, царей и даже членов российской императорской фамилии у южной стены храмов как трансформации византийской императорской идеи [Свердлов, 2019].

Собор Св. Богородицы стал центром значительного архитектурного комплекса в Киеве. Вероятно, одновременно с этой церковью были возведены новый княжеский дворец, монастыри Св. Георгия и Св. Ирины, небесных покровителей Ярослава и его жены Ингигерд. По константинопольскому образцу в оборонительных сооружениях стольного города строители собора создали парадный въезд в виде ворот, а также несколько дворцовых зданий. На площади перед ними были поставлены скульптуры, привезенные из Херсонеса [Раппопорт, с. 7–9, 30].

Такой новый центр стольного города, его украшение скульптурами стали также символическим выражением принадлежности Русского государства к политической, религиозной и культурной традиции Византийской империи.

О том же свидетельствовали златники и сребреники (четыре типа), чеканенные в Киеве в княжение Владимира. Они хорошо изучены ([Сотникова, Спасский; Сотникова; Гайдуков, Калинин]; см. там же литературу). Отметим их основное содержание как исторического источника.

На аверсе (лицевой стороне) златников и сребреников всех типов изображен князь Владимир с грозно сдвинутыми бровями, крупным носом и подбородком, с бритым лицом и длинными усами, как у его отца¹². Несомненное стремление передать на монетах портретное сходство позволяет считать обоснованной характеристику этого изображения как древнейшего русского портрета X в., где усматриваются индивидуальные и этнические черты [Сотникова, с. 174]. Такое лицо выражало сильную волю и властность.

На златниках и сребрениках I типа Владимир изображен сидящим с императорскими регалиями, сходными с их воспроизведением на византийских монетах X–XI в.: в стеммевенце с подвесками и помещенным в его центре крестом, со скипетром, увенчанным крестом, и в торжественном одеянии [Толстой, 1882; Толстой, 1893]. Стемму-венец определяют также как шапку с подвесками [Сотникова, с. 19 и след.; Гайдуков, Калинин, с. 415]. На ногах князя сапоги, вероятно, красные, которые также являлись императорским атрибутом. На златниках и сребрениках I типа у левого плеча Владимира изображен его геральдический знак – трезубец. На реверсе этих монет – Христос-Пантократор, как на монетах Василия II и Константина VIII.

По одному мнению, одеяния Владимира и символы его власти повторяли изображения на византийских монетах [Соколова]. По другой гипотезе, они были получены князем в качестве даров в связи с его женитьбой на порфирородной принцессе Анне, но вопреки запретам Константина Багрянородного, который объяснял своему сыну Роману II, отцу Василия II и Константина VIII: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы... а подобное случается частенько – послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий ради какой-либо их службы или услуги, тебе нужно отвечать так...»¹³. Владимир изображен с такими императорскими регалиями. Об их соответствии действительности может свидетельствовать отсутствие у Владимира державы – императорского символа главы христианского мира [Свердлов, 2003, с. 294–295]. Вне зависимости от решения этой дискуссионной проблемы Владимир изображен принадлежащим к высшей византийской иерархии, но не равным императору (отсутствие державы).

¹² Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Комментар. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 82.

¹³ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. С. 55.

Рис. 1. Златник (1) и сребреники типа 1 (2) и 2 (3) Владимира Святого (по: [Сотникова, Спасский, с. 60, 64, 69])

Надпись на одних златниках и сребрениках I типа утверждала единовластие Владимира вследствие принадлежности ему киевского стола: «Владимиръ на столѣ»; на аверсе других – принадлежность князю императорской и королевской регалии чекана монет: «Владимиръ, а се его злато (сребро)». Эти тексты варьировались в полноте, но содержание оставалось прежним [Гайдуков, Калинин, с. 415].

На сребрениках II типа Владимир изображен сидящим на столе, одетым, вероятно, в кольчугу. Ее определяли также как «напоминающую кольчугу» [Орешников, с. 43, 70; Сотникова, с. 182] и «кольчугообразное одеяние» [Гайдуков, Калинин, с. 415]. Поверх на плечах и груди, вероятно, скрепленный фибулой плащ. На голове князя стемма-венец или шапка с подвесками. Впрочем, Владимир мог использовать княжескую шапку с опушкой и закругленным верхом альтернативно со стеммой-венцом. В правой руке князя – крест на длинном древке [Пчелов, с. 37–38; Гайдуков, Калинин, с. 415].

Такое обновленное, «военизированное», изображение Владимира было дополнено более существенными изменениями. На аверсе вокруг головы князя появился нимб – символ святости власти, как у византийских императоров на монетах и на многих произведениях изобразительного искусства. На реверсе византийское изображение Христа-Пантократора заменил русский геральдический знак Владимира – трезубец. Такое оформление монет с некоторыми непринципиальными изменениями (исчезло изображение «кольчуги») повторено в сребрениках III и IV типов. Надписи по частям повторяли первоначально целостный текст: «Владимиръ на столѣ, а се его сребро». На одном из найденных сребреников IV типа содержалось имя не только князя, но и его небесного покровителя: «Владимире сребро, съвятаго Василя» [Сотникова, с. 190; Гайдуков, Калинин, с. 421].

Изменения на сребрениках II типа имели явное идеологическое и политическое содержание. Нимб вокруг головы Владимира символизировал святость его власти, замена Христа-

Пантократора княжеским геральдическим знаком – независимость Владимира от посягательств византийских императоров-соправителей и (или) Константинопольской патриархии. Но все символы единовластия в княжеском одеянии и т. д. на монетах сохранились.

Принципиально новое содержание изображений на сребрениках Владимира II–IV типов, вероятно, объясняется изменением в самосознании князя как политика и правителя огромного государства. Оно не должно было стать зоной влияния еще могущественной, но стагнирующей Византийской империи. По восточнославянским землям с конца VIII в. проходили важнейшие для Восточной, Центральной и Северной Европы транзитные пути [Коновалова, Мельникова]. Возможно, все более очевидной становилась необходимость вслед за торговыми путями на Запад расширять в том же направлении территориальные владения Русского государства, устанавливая политические отношения с правителями западных стран.

Владимир оставался христианином православного исповедания. Христианская церковь европейских стран была еще единой. Впрочем, начиная с княгини Ольги и Владимира Святославича различия в христианском исповедании не имели значения в княжеской династической и реальной политике XI – середины XIII в. [Пашуто]. Западное направление внешней политики Владимира отмечено в ПВЛ как указание его мирных отношений с польским князем Болеславом Храбрым, венгерским королем Стефаном и чешским князем Олдржихом¹⁴.

Уже в 990-е годы Владимир подчинил своей власти важнейшие по стратегическому положению Галицию и Волынь, где пытались укрепиться польские князья Мешко I и его сын могущественный Болеслав Храбрый. По этим землям пролегли торговые пути на запад. Отсюда – война Владимира с Болеславом Храбрым, заключение с ним мира, скрепленного браком пасынка Владимира Святополка Ярополковича с дочерью Болеслава, а также союзные отношения Владимира с императором Священной Римской империи Генрихом II – противником Польского княжества. Жена Владимира Анна была погребена в киевской церкви Св. Богородицы по католическому обычаю. Позднее Владимир женился на одной из немецких принцесс (ее имя дискутируется в научной литературе). Вероятно, необходимость срочного материального обеспечения юной Русской митрополии побудила Владимира использовать опыт западной десятины как отчислений митрополии от поступлений в княжескую казну (попытки объяснить ее византийским происхождением не представляются доказанными; впрочем, это особая тема). Мерзбургский епископ и хронист Титмар (ум. 1018 г.) писал, что Владимир после крещения совершал «большое насилие над слабыми данаями (византийцами)» [Свердлов, 2003, с. 271–272, 300–301, 303 и др.].

Такой деятельности Владимира Святославича и ее выражению в символах власти соответствуют характеристики князя митрополитом Иларионом в его «Слове о Законе и Благодати» (1037–1050 г.; Иларион стал митрополитом в 1051 г.): «И единоподержецъ бывъ земли своеи». Сообщая о насильственном крещении некоторых русских людей, он обобщил: «... понеже бѣ благовѣрие его съ властью съпряжено». Правление страной для Илариона тождественно владычеству. Поэтому он с гордостью писал о деяниях Владимира, «нашего учителя и наставника, великааго кагана нашаа земли»: «Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли»¹⁵. В этих словах преобладавшая раннесредневековая христианская идеология единения церковной и светской властей соотнесена с внутренней и внешней политикой Владимира Святославича.

Вероятно, характеристики Владимира как «единоподержца» и правителя, который осуществлял власть в Русской земле как территориальном государственном единстве,

¹⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 126.

¹⁵ Иларион, митрополит Киевский. Слово о Законе и Благодати / Подгот. текста, коммент. А. М. Молдавана, пер. диакона Андрея Юрченко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 480.

утверждались самим князем. По его повелению на Волини был построен новый город Владимир как административно-политический центр, в Галиции – город-крепость Василев, названный по крестильному имени князя. Так же назван город-крепость Василев в бассейне пограничной со Степью реки Стугны. Он входил в систему укреплений, защищавших столичный город Киев с юга от нападений кочевников. Такие названия городов являлись маркерами владений Владимира Святославича. В сознании современников они отождествлялись с понятием «единовластец» русскими людьми, и не только ими.

Бруно (ум. 1009 г.), сын кверфуртского графа, посвятил себя миссионерской деятельности и стал миссионерским архиепископом. В 1005 г. он отправился проповедовать христианство в Венгрию. Позднее он находился при дворе польского князя Болеслава Храброго, а от него, вероятно, в конце 1007 г. отправился через русские земли проповедовать к печенегам. Владимира Святославича Бруно характеризовал как «повелителя русов (*senior Ruzorum*), великого властью (*regno*) и богатствами». Князь безуспешно пытался отговорить Бруно от такого опасного намерения. Вероятно, в конце 1008 г. Бруно написал императору Священной Римской империи Генриху II о том, как поступил Владимир: «... он сам сопровождал меня два дня с войском вплоть до крайнего предела своего царства (*regni sui*), которое из-за набегов врага (печенегов. – М. С.) укрепил со всех сторон крепчайшей и длиннейшей оградой». Бруно имел в виду оборонительные сооружения на границе со Степью ([Свердлов, 2017, с. 40–47]; см. там же комментарии).

Между тем к концу правления Владимира, в 1014–1015 г., его единовластие стало разрушаться вследствие династических интриг и региональных амбиций. Усыновленный Владимиром племянник Святополк Ярополкович, стремясь восстановить право старшей княжеской ветви на киевский стол, принял участие в заговоре, организованном, вероятно, Болеславом Храбрым. Ярослав Владимирович, являясь князем-наместником в Новгороде, вероятно, под давлением его жителей отказался платить в Киев огромную ежегодную подать в 2000 гривен. Так что Владимир умер, собираясь в поход на сына ([Свердлов, 2003, с. 308–344]; см. там же литературу).

Последовавшая борьба за киевский стол – символ единовластия в стране – сопровождалась трагическими событиями. По приказу Святополка были убиты его двоюродные братья, Борис, Глеб и Святослав Владимировичи, принадлежавшие к младшей княжеской ветви. Болеслав Храбрый совершил поход на Киев в поддержку своего зятя Святополка и попытался установить сюзеренитет над «Руссией» (*Ruzzia*). Против Болеслава и его войска поднялось восстание, так что польский князь, овладевший в Киеве княжеской казной, пленивший многих знатных людей, должен был спешно вернуться. На обратном пути он захватил Галицию и Волинь. Ярослав с новгородско-варяжским войском совершил поход на Киев, так что Святополк должен был бежать и в изгнании умер.

Следует отметить, что в новейшей российской литературе распространяется мнение, в соответствии с которым Святополк – сын Владимира. Оно не соотносится с недвусмысленным утверждением Начального свода (первая половина 1090-х годов) и ПВЛ о том, что Святополк – сын Ярополка, а Владимиром он был усыновлен¹⁶. О том же свидетельствуют княжеские геральдические знаки. Ярополк Святославич и Святополк Ярополкович (старшая княжеская ветвь) продолжили в княжеском двузубце традицию Святослава Игоревича. Геральдическим знаком Владимира Святославича и его потомков (младшая княжеская ветвь) стал трезубец. Эти различия очевидны в таблице С. В. Белецкого. В ней существенно дополнены и развиты наблюдения В. Л. Янина, М. П. Сотниковой и А. А. Молчанова.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 127; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78; Т. 2. Стб. 66.

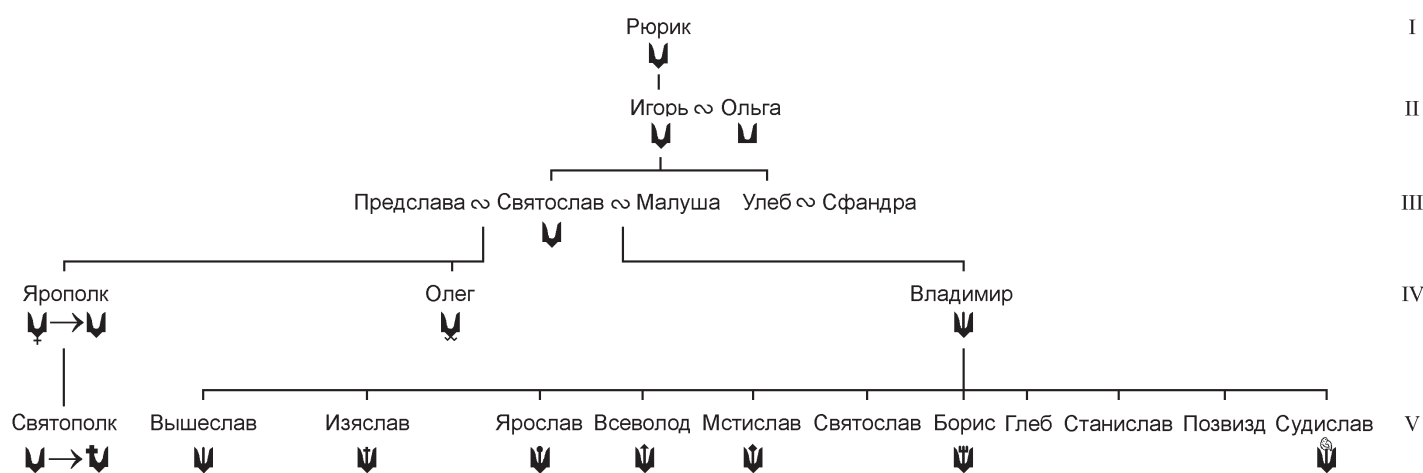

Рис. 2. Генеалогия знаков Рюриковичей IX–XI в. (по: [Белецкий, с. 460–461])

Ярослав восстановил было единовластие, но в 1024 г. Мстислав Владимирович вновь сверг страну в военно-политическое соперничество (см. выше). Впрочем, вскоре после раздела Русской земли между братьями необходимость единовластия в ней стала очевидной. В 1030 г. Ярослав попытался отвоевать Галицию и Волынь, но потерпел поражение. В 1031 г. Ярослав и Мстислав совершили совместный поход на Польшу. Они не только вернули в состав Русского государства Галицию и Волынь, но также вторглись в Польское княжество, где освободили русских людей, плененных Болеславом Храбрым в Киеве в 1018 г., и взяли в плен многих поляков.

После восстановления единовластия в 1036 г. Ярослав Мудрый смог продолжить политику отца. Киевский княжеский стол остался символом единства Русской земли – Русского государства. Поэтому Иларион, обращаясь к почившему Владимиру Святославичу, восклицал, говоря о Ярославе: «...виждь красящаго столь земли твоеи – и возрадуися и возвеселися»¹⁷. Его достойное правление он определил как исполнение воли Божией: «...безъ блазна (непреткновенно, перевод диакона Андрея Юрченко. – М. С.) же Богомъ даныя ему люди управивьшу»¹⁸.

Был построен «город Ярослава» с мощными оборонительными сооружениями, который защищал дополнительную к «городу Владимира» территорию в 80 га. Эта система включала главные Золотые ворота, повторявшие в названии константинопольские. Огромные соборы Св. Софии были возведены в Киеве, Новгороде, а после смерти Ярослава, но той же строительной артелью и по тому же проекту в Полоцке. Построенные на главных речных торговых путях по Днепру, Волхову и Западной Двине, они, вероятно, должны были защищать и освящать все пространство Русской земли. Возможно, Св. София, Премудрость Божия, символизировала тогда определяющее начало жизни русских людей. Вместе с тем киевские Св. София, Золотые ворота, монастыри Св. Георгия и Св. Ирины, повторявшие константинопольские названия, кроме своего непосредственного назначения символизировали преемственность-вызов по отношению к столице империи.

Самостоятельность церковной политики Ярослава по отношению к Византийской империи и Константинопольской патриархии выразилась в том, что он собрал епископов Русской митрополии и они избрали митрополитом русского княжеского сторонника Илариона

¹⁷ Иларион, митрополит Киевский. Слово о Законе и Благодати. С. 50.

¹⁸ Там же. С. 52.

(см. выше). Напряженные отношения с империей выразились также в том, что Ярослав отправил морем войско в 1043 г. во главе со старшим тогда сыном Владимиром на Константинополь. Впрочем, буря разметала корабли, и их остатки вернулись на Русь.

Мудрость правления Ярослава выражалась в издании не только так называемой Правды Ярослава (Краткая Правда Русская, ст. 1–18), но также, вероятно, основного состава статей 19–43 Краткой Правды Русской. Вероятно, в годы киевского княжения Владимира Мономаха или его сына Мстислава (1113–1132 г.) юристы при составлении Пространной Правды Русской в статье 2, по современному нам делению на статьи, написали: собрались после смерти Ярослава его сыновья Изяслав, Святослав и Всеволод, а также их наиболее приближенные мужи и заменили кровную месть судебной денежной вирой. Древнерусские юристы конкретно определили содержание законодательной деятельности Ярославичей, указав, что все прочие юридические нормы (имелась в виду Краткая Правда Русская) относятся ко времени правления их отца, а все остальное – как Ярослав судил, так и сыновья его установили. Весь нормативный состав Краткой Правды Русской был включен в состав Пространной Правды, которая была озаглавлена: «Суд Ярославъ Володимѣричь. Правда Русьская» ([Свердлов, 2017, с. 395–422]; см. там же литературу).

В княжение Ярослава были обобщены результаты формирования не только церковной организации, но также церковного права в первоначальном тексте Устава князя Ярослава, составленного совместно с митрополитом Иларионом (1051–1054 г.) [Щапов, с. 107].

По примеру отца Ярослав приказывал строить города-крепости в пограничных зонах государства, называя эти города своими восточнославянским и крестильным именами (Георгий → Юрий): Юрьев в Южной Эстонии (ныне – Тарту), Ярославль на Волге, Юрьев в пограничной зоне по реке Рось.

Ярослав, женатый на Ингигерд, дочери шведского короля Олава Шётконунга, продолжил политику отца в заключении союзов политических и династических с правителями европейских государств – Византии, Священной Римской империи, Венгрии, Польши, Норвегии, Франции [Свердлов, 2003, с. 369–374].

Автор ПВЛ проявил историзм, образно характеризуя становление русской письменности и ее значение. Княжение Владимира он определил как время распахания и умягчения земли, то есть просвещения Руси крещением. Ярослав посеял книжные слова в сердца верующих людей, и летописец определил значение этого деяния, написав о себе и своих современниках в первом лице: «А мы пожинаемъ, ученье приемающе книжное»¹⁹. Гимном Ярославу-книжнику и его деятельности являются слова летописца о князе: «... и книгамъ прилежа, и почитая е часто въ нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грѣкъ на словѣньское писмо. И списаша книги многы, ими же поучащеса вѣрнии людѣе наслажаются ученья божественаго»²⁰.

Таким образом, слова митрополита Илариона о Владимире Святославиче как о «единодержце своей земли», о его «благоверии», сопряженном с властью, а также автора ПВЛ о Ярославе как о «самовластце Русской земли» не имеют содержания титула. Они обобщили в сознании современника событий Илариона, авторов Начального свода и ПВЛ многие реалии общественной, политической и культурной действительности Русского государства до середины 1050-х годов. Для Илариона княжения Владимира и Ярослава являлись недавним прошлым и современными событиями. Для авторов Начального свода и ПВЛ они стали сведениями о минувших временах, следствия которых окружали их в книгах церковных и светских, в том числе в первых летописных текстах, в архитектуре, живописи, в традиции повествований о давнем и недавнем прошлом, но в новой общественно-политической ситуации в стране.

¹⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 152.

²⁰ Там же. Стб. 151–152.

Как написано в Начальном своде, Ярослав завещал Киев Изяславу, а прочим сыновьям – послушание ему, как отцу. Каждому Ярослав «дал» во владение обширные земли, которые перечислены по их главным городам: Святославу – Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Игорю – Владимир (Волынский), Вячеславу – Смоленск. «И заповѣда имъ не преступати брату въ предѣль братинъ»²¹. То есть Ярослав передал эти земли в наследственное владение. Как отметил не без иронии А. Е. Пресняков по отношению к предшествующим и современным ему теориям, «внуки и правнуки Ярослава вернее, чем позднейшие теории, понимали суть произошедшего раздела, считая своими отчинами и дединами то, что получили их деды от своего отца Ярослава». При этом он согласился с данным В. О. Ключевским определением основного содержания так называемого «ряда Ярославля» как о «преемстве на столе киевском и о братском согласии, организованном с помощью старейшинства киевского князя». А. Е. Пресняков привел аналогичные примеры раздела государства в истории Чехии и Польши того времени [Пресняков, с. 37–38]. Эта концепция представляется обоснованной.

Впрочем, «ряд Ярославль» стал началом эпохи княжеских раздоров и неоправданных амбиций. Завещание Ярослава соблюдалось только до 1068 г., с которого начались кровавые распри между старшими братьями. Вследствие восстания киевлян Изяслав бежал в Польшу, но в 1069 г. вернулся с небольшим польским войском во главе с князем Болеславом II Смелым. Сын Изяслава Мстислав учинил кровавую расправу над киевлянами. Раздоры Ярославичей продолжались до 1078 г., когда в Киеве вокняжился Всеволод Ярославич.

Эти и многие другие трагические события были памятли в Киеве, в частности, авторам Начального свода и ПВЛ. Так что в названиях Ярослава Мудрого в ПВЛ «единовластцем» и «самовластцем» содержалась не только характеристика его правления в иных обстоятельствах 1090–1110-х годов. Эти слова приобрели дополнительную положительную коннотацию власти князя – Русская земля как политическое единство в княжение Ярослава процветала.

Обозначения таких свойств княжеской власти надолго исчезли из лексикона русских летописцев домонгольского времени, поскольку княжества Ярославичей и их преемников разделили Русскую землю на части, каждая из которых институировалась в самостоятельное княжество, для князя которого другие владения и Новгородская земля стали «чужими». Только политика единовластия Андрея Боголюбского, создававшего мощное по военно-политическому потенциалу Владимиро-Суздальское княжество, побудила северо-восточного летописца характеризовать этого князя словом, некогда использованным по отношению к Ярославу Мудрому: «Том же лѣте выгна Андрѣи епископа Леона исъ Суждаля и братию свою погна... Се же створи, хотя самовластець быти всѣи Суждальскои земли»²².

Но Русская земля продолжала существовать как этнокультурное единство. Только Рюрикovich мог быть в ней князем. Ее объединяли Русская митрополия, литературный русский (древнерусский) язык, русская (древнерусская) народность, соединившая многие этносы.

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 182.

²² ПСРА. Т. 2. Стб. 520.

Литература

- Белецкий С. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева и О. В. Творогова; Коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. СПб., 2012. С. 431–463.
- Гайдук П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 402–435.
- Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 36–63.
- Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. 276 с.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. М., 1951. 262 с.
- Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. (Труды ГИМ. Вып. 6). 96 с.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. 2-е изд., испр. М., 2019. 492, [3] с.
- Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. [2], VIII, 316 с.
- Пчелов Е. В. Еще раз о «знаке Рюриковичей» в свете нумизматических данных // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1995. С. 37–38.
- Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. 285, [2] с.
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. 734, [1] с.
- Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб., 2017. 588 с.
- Свердлов М. Б. К изучению хор новгородских храмов XI – первой трети XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 104–107.
- Соколова И. Несколько замечаний по поводу византийских прототипов древнерусских монет // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1975. Вып. 40. С. 67–72.
- Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995. 317, [1] с.
- Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших русских монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983. 239 с.
- Творогов О. В. Повесть временных лет // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 621–623.
- Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882. [4], X, 272, [30] с.
- Толстой И. И. Древнейшие русские монеты X–XI века. СПб., 1893. [2], 59 с.
- Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 42–43.
- Щапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. 228, [3] с.

References

- Beletskii, S. Drevneishaya geraldika Rusi [The Oldest Heraldry of Rus]. In *Povest' vremennykh let. Translated by D. S. Likhachev and O. V. Tvorogov; Comments by A. G. Bobrov, S. L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with participation of A. M. Vvedenskii and L. V. Voitovich*. Saint Petersburg, 2012. Pp. 431–463.
- Gaidukov, P. G., Kalinin, V. A. Drevneishie russkie monety [The Oldest Russian Coins]. In *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama*. Moscow; Vologda, 2012. Pp. 402–435.
- Gippius, A. A. Do i posle Nachal'nogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak ob'ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii [Before and after The Initial Corpus: the Early Chronicle History of Rus as an Object of Textual Reconstruction]. In *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama*. Moscow; Vologda, 2012. Pp. 36–63.
- Konovalova, I. G., Mel'nikova, E. A. Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii IX–X vekov [Old Rus in the System of Eurasian Communications of the 9th – 10th Centuries]. Moscow, 2018. 276 p.
- Nasonov, A. N. "Russkaya zemlya" i obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva ["The Russian land" and the Formation of the Old Russian State]. Moscow, 1951. 262 p.
- Oreshnikov, A. V. Denezhnye znaki domongol'skoi Rusi [Monetary Signs of pre-Mongol Rus]. Moscow, 1936. (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Issue 6). 96 p.
- Pashuto, V. T. Vneshnyaya politika Drevnei Rusi [Foreign Policy of Old Rus]. 2nd revised edition. Moscow, 2019. 492, [3] p.

- Pchelov, E. V. Eshche raz o “znake Ryurikovichei” v svete numizmaticheskikh dannyykh [Once Again about the “Sign of Rurikovich” in the Light of Numismatic Data]. In *Tret’ya Vserossiiskaya numizmaticheskaya konferentsiya*. Moscow, 1995. Pp. 37–38.
- Presnyakov, A. E. Knyazhoe pravo v Drevnei Rusi. Ocherki po istorii X–XII stoletii [Princely Law in Old Rus. Essays on the History of the 10th – 12th Centuries]. Saint Petersburg, 1909. [2], VIII, 316 p.
- Rappoport, P. A. Drevnerusskaya arkhitektura [Old Russian Architecture]. Saint Petersburg, 1993. 285, [2] p.
- Shart’e, R. Odnа chetvert’ svobody, tri chetverti determinizma [One Quarter of Freedom, Three Quarters of Determinism]. In *Spory o glavnom: Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoi nauki vokrug frantsuzskoi shkoly “Annalov”*. Moscow, 1993. Pp. 42–43.
- Shchapov, Ya. N. Gosudarstvo i Tserkov’ Drevnei Rusi X–XIII vv. [State and Church of Old Rus in the 10th – 13th Centuries]. Moscow, 1989. 228, [3] p.
- Sokolova, I. Neskol’ko zamechaniy po povodu vizantiiskikh prototipov drevnerusskikh monet [A few Comments about the Byzantine Prototypes of Old Russian Coins]. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1975. Issue 40. Pp. 67–72.
- Sotnikova, M. P. Drevneishie russkie monety X–XI vv. Katalog i issledovanie [The Oldest Russian Coins of the 10th – 11th Centuries. Catalog and Research]. Moscow, 1995. 317, [1] p.
- Sotnikova, M. P., Spasskii, I. G. Tysyacheletie drevneishikh russkikh monet Rossii. Svodnyi katalog russkikh monet X–XI vv. [Millennium of the Oldest Russian Coins in Russia. The Consolidated Catalogue of Russian Coins of the 10th – 11th Centuries]. Leningrad, 1983. 239 p.
- Sverdlov, M. B. Domongol’skaya Rus’: Knyaz’ i knyazheskaya vlast’ na Rusi VI – pervoi treti XIII v. [Pre-Mongol Rus: Prince and Princely Power in Rus of the 6th – the First Third of the 13th Century]. Saint Petersburg, 2003. 734, [1] p.
- Sverdlov, M. B. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnei Rusi IX–XIII vv. Germaniya. “Pravda Russkaya”. Istoriya teksta. Izbrannye stat’i [Latin-language Sources on the History of Old Rus in the 9th – 13th Centuries. Germany. *The Russian Right*. The History of the Text. Selected Works]. Saint Petersburg, 2017. 588 p.
- Sverdlov, M. B. K izucheniyu khor novgorodskikh khramov XI – pervoi treti XII v. [On the Chorus of the Temples of Novgorod in the 11th to the First Third of the 12th Centuries]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 104–107.
- Tolstoi, I. I. Drevneishie russkie monety Velikogo knyazhestva Kievskogo. Numizmaticheskii opyt [The Oldest Russian Coins of the Grand Duchy of Kiev. Numismatic Essay]. Saint Petersburg, 1882. [4], X, 272, [30] p.
- Tolstoi, I. I. Drevneishie russkie monety X–XI veka [The Oldest Russian Coins of the 10th – 11th Centuries]. Saint Petersburg, 1893. [2], 59 p.
- Tvorogov, O. V. Povest’ vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. In *Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. Pp. 621–623.

Michail B. Sverdlov

*Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia*

JAROSLAV THE WISE AS “EDINOVLASTETS” AND “SAMOVLASTETS”

The article explores the problem of historical and real grounds for denomination of Jaroslav the Wise as “edinovlastets” in the Hipatian copy and “samovlastets” in the Laurentian copy of The Tale of Bygone Years meaning *monarch* and *absolute ruler*. A comparative analysis of both of these copies made it possible to determine that the Hipatian copy contains readings older than those of the Laurentian one. That is why the denomination of Jaroslav the Wise in the Laurentian copy is a later one. An anthropological analysis made it possible to determine that the readings of the Hipatian copy reflected political reality of Jaroslav’s reign whereas the readings of the Laurentian copy represented a general definition of Jaroslav’s reign after numerous tragic events of the second half of the 11th century after his death.

Keywords: Prince Vladimir the Grate, Jaroslav the Wise, “edinovlastets”, “samovlastets”, anthropological analysis, objective reality